

ГОИГ

Газета о нашей гимназии

27 сентября 2008 год № 2 (133)

Учение не кончается уроком

Дорогие гимназисты!

Редколлегия газеты «ГОИГ» приветствует вас и желает плодотворного сотрудничества с вами.

Мы приглашаем вас не только читать нашу газету, но и публиковать в ней свои статьи, эссе, стихотворения, рассказы. Мы с удовольствием ответим на ваши вопросы, поместим интересные головоломки и задачи, вступим в дискуссию по интересующим вас вопросам.

Помните, что интересное содержание газеты зависит не только от редакции, но и от ее читателей.

Позади отдых, яркое и разнообразное лето. Однако давно известно, что учение не кончается уроком, поэтому летом мы тоже учимся, познаем новое, расширяем свои представления о мире, более тесно соприкасаемся с историей, имеем возможность на практике применить свои знания, полученные на уроках. Вот почему мы так ценим летние практики. Будь то работа в научно-исследовательских институтах в Москве - биологи и физики или занятия в компьютерном классе - математики. Азартные матбои и решения интересных задач в выездных математических и компьютерных школах - математики. Практические полевые занятия в Молдино и на Белом море - биологи. Увлекательные путешествия по литературным и историческим местам - гуманитарии.

Этот выпуск газеты мы посвящаем итогам гуманитарной практики.

Математики, биологи, физики - слово за вами!

Сулои, Соловьи, Соль,

СОЛОВКИ,

Это только звучание, как бой колоколов каждое утро (и всякий словно первый раз) или не слышимые никогда соловьиные трели: и первый раз – и никогда, потому что Соловки – это грань между миром и уединением, бытием и

небытием, краешком материковой земли и вечностью...

Еще саамы верили, что северные острова являются геркулесовыми столпами, что они лежат на полпути в потусторонний мир.

Но их «лабиринты-наоборот» «поганого происхождения», которые всегда выведут с узкой дорожки, - не боязнь ли остаться там (я имею в виду одну из версий использования лабиринтов, как средства проникновения в загробный мир через эту каменную «подкову») навсегда, но обязательно вернуться к берегу, к морю?

Нет, ведь снова к небытию (тор, тер – индоевропейские глаголы умирания)!

Потом на Соловки попадают православные монахи, у которых до высочайшего пафоса поднимается экзистенциальное предчувствие смерти, у которых жива смертная память.

Затем, лагерная эпоха, когда непосредственно, физически ощущалась близость смерти.

Да там даже фундамент школы и садика – из могильных плит...

«Углубление в себя – вот что действительно нужно для исправления.» (Чехов)

Я добавлю – для восхождения в бытийственном смысле.

Соловки можно назвать новой вехой, стягивающей, сосредоточивающей, концентрирующей в себе какое-то осмысление жизненных устоев, что назревали до летней поры. Это идейно-смысловой остров на северном краю земли, к которому так вовремя прибило заблудившийся ум.

Есть на земле места, с которыми сближает невыразимое чувство родства. И воспоминаний остается так много, что ими пресыщен, утомлен, что произошедшее уже лишь сон, прежний путь – это чей-то вымысел или даже насмешка над тобой, над твоими же воспоминаниями. Так происходит, если окажешься в их плену, и чем более будешь оберегать, тем явственнее ощущаешь, как с головы до пят навалилось их бремя и всевластно захватывает все существо.

Так вот совершенно иначе возникает архипелаг и тот эмоциональный настрой, который он приносит, с одной стороны неожиданно, с другой - ты ведь ждал поездки весь год! а предчувствия, что были заимствованы из опыта старых поездок, не оправдались.

Что дает остров? Внутреннюю свободу, определенную степень уединения («соло» - по-латыни – «один»).

То самое чувство родства искало созвучия, единения, гармонии за монастырскими стенами, искало, можно сказать, молитвенного настроения, покоя, к которому приобщаешься, зайдя в пустой храм.

Но здесь надо обратить внимание на внешнюю форму: на историю и архитектуру, вовсе неотделимую от внутреннего духа Соловков. (Ещё до отплытия с острова видение Соловков перестало быть связанным исключительно с монастырем. Монастырь и окружающая среда, атмосфера поселка, несомненно (парадоксально) дополняют друг друга: сараи, которые посажены как «бабы обычно сажают бобы: одни направо, другие налево», отсутствие какой-либо планировки, строительной идеи: они наклеплены с целью удобства – поближе к дороге, а огороды заняли место у самых домов. По-моему, это одна из самобытных черт хозяйственного острова. И тут же – прямолинейность храмовых построек

«Открылся освещен с высокими верьхами

Пречудных стен округ, из диких камней град...»

(М. Ломоносов)

Новгородская ориентация ничуть не поколебала твердой соловецкой архитектурной традиции. Она выразилась вернее в идейной приверженности к новгородским основополагающим мотивам. Вот это сочетание, синтез, зародившийся на просторе для местных вкусов, обусловленном отдаленностью от материка, самобытности Соловецкого строительства и попадания под влияние новгородского зодчества, в котором перенесенный из Византии тип храма развивался в направлении конструктивной ясности и упрощенности, определило тот образ, что возник из камня.

Форма храма, еще деревянного, была естественно, природно связана с материалом – бревенчатым срубом. Это была шатровая церковь. «Шатер» был восьмигранным прообразом барабана центрального купола. Скорее этой пирамидальной форме подчинен уклон фасадочных стен, в то же время усиливающих высотность здания и формирующих его целостность.

Внешний облик суров, величественен и прост в своей строгой выразительности. Тело храма сформировано ясно и просто при почти полном отсутствии декора. Его живописность могла бы даже нарушить тектонический характер, но еле проступающая закомарная роспись на кирпичной стене, вместе с его поистертой краснотой сдерживает резкие грани стен. Они потеряли всё декоративное, являя собой стремительный взлет, обращая весь внутренний духовный порыв в небесную высь. Но в противовес тут вступает тектоническая их мощь, которую даже окошечки не в силах обуздать; стена в своей конкретности убедительно говорит о назначении служить опорой, но чего? Что-то не дает выплеснуть заключенную в них динамику, крепость. Это – барабаны без оконцев-щелей с маленькими куполами. Есть ощущение, что на них в художественном контексте сооружения возложена самостоятельная часть архитектурного выражения. Они собою выражают некую декоративность и предельную

простоту. Простоту во всё. Но строгая соразмеренность их силуэтов объединяет с массивностью простых стенных плоскостей.

А чувствуете, какое совершенно особенное звучание создают арки и окошки опоясывающей галереи, перекликаясь ритмически с рядами кокошников «вперебежку» и барабанными окнами под центральным куполом? (Кстати, от деревянного храма взято было и устройство галереи, и Никольский придел.) Сначала могут показаться они лишены связи и мало уравновешенными, но именно ритм будет всегда влиять на эмоциональное восприятие, эмоциональный отклик в нашем настроении.

Соборный стиль целостен. Все линии постройки ведут к крестам и к небу, дают твердое направление взгляду и находят разрешение в центральном куполе. Этот неистовый, напряженный взлет обращается в идейное средоточие мистики и метафизики христианства, тесно, неразрывно переплетенной с храмовым обликом.

Дуновение раннего христианства.

*«Христианство создало поэзию гробницы.»
(А.С.Уваров.)*

Нет в архитектуре ярко выраженных катакомбных черт в силу величественности, чистоты и ясности сооружений; пропадает идея пещеры, как прототипа позднейшего храма, но разворачивается более грубый отчетливый образ: Соловки есть могильный курган, земля, буквально пропитанная мученической кровью, и именно поэтому угадывается идеологическая связь острова с первохристианским смыслом; (ведь именно в эпоху раннего христианства храмы устраивались вокруг мест мучений и кончины святых мучеников, и на гробнице святого мученика, на плите, служившей престолом, совершалась Евхаристия; и христиан первых веков влек религиозный порыв устраивать храмы на могилах).

*Спит тюрьма и трудно дышит.
Каждый вздох - тоска и стон,
Только мертвый камень слышит,
Ничего не скажет он.*

(М. Н. Фроловский.)

Стена - самое естественное сооружение, в создании которого творческое усилие мастера было направлено на поиски его гармонии с материалом. Она буквально заимствовала у природы ее образы, что подчеркивает абстрактно-символический характер первой. А сущность дарования художника-архитектора заключается в глубочайшем проникновении, познании таинственной природы соловецкого камня и оформлении масс с учетом характера их тектоники; и могло это дать такой результат лишь при отрицании любого радикального противодействия природному органическому началу, тогда художественный образ стены действительно оказался вkomпонованным в окружающую среду. «Художник мыслил в материале», вкладывая, заключая в образ глубокое символическое значение. Кремль ведь сложен в форме корабля – вытянутый с севера на юг – или маяка, что говорит само за себя. Соловецкая идея – идея Преображения. И спасения. И обе они реализуются в истории: главный исторически-духовный урок Соловков – в неистребимости духа.

«Соловки встречают сдержанно. Островам вообще чуждо выплёскивать эмоции. Острова принимают тебя, но не торопятся считать своим: для того, чтобы прижиться на островах, тебе и самому нужно быть островом.»

(Вера Кононова)

И я смирилась, я приняла это чувство. Чувство сиротливости. Так можно заключить здесь, сидя в Москве, но, признаюсь, что-то тогда навязчиво, неустанно тянуло в душе, загромаждало для истинного восприятия. На Соловки надо море переплывать, чтобы слушать ветер и камни... А не неприятие ли позже оборачивается глубиной единения?..

Абоймова Анна, 11г

СОЛОВКИ

Читая параллельно книгу о СЛОНе и свои записи экскурсий по монастырю, я удивлялась внешним сходствам монашеского и лагерного уставов. Это не могло быть случайностью: значит, у этих явлений есть внутренняя связь. Я попыталась ее найти и сформулировать. И понять, в чем же тогда принципиальное различие между ними, превращающее их в антиподов.

Как отказались от всего мирского (власти и денег, семьи, плотской любви) монахи, так лишились этого и

заключенные СЛОНа, но уже не по своей воле. И потому отречение не могло послужить им на пользу. Они ведь не видели в нем смысла, и избавление от грехов не было их целью. Они мечтали о возвращении домой и прекращении мучений.

«Край света, отрезанный от всего мира, и мы не по своей охоте и неизвестно зачем сидим на этом краю, охраняемые льдом, морем, метелями, тьмой...».

Парадоксально, но создатели системы концентрационных лагерей, вряд ли осознавая это, взяли за образец принципы устройства и функционирования монашеской обители: аскетизм и воздержание в быту, тяжелый физический труд, имеющий целью духовное очищение, общежитийность, отсутствие досуга (душевредность праздности), укрощение суровой северной природы.

Три главные составляющие монашеской жизни тоже имели аналоги в лагерной: пустынноческое подвижничество Савватия – и штрафные изоляторы, благоустройство монастыря, которым занимался Зосима, – и аналогичные проекты заключенных. Смиренный труженик Герман в глазах лагерного начальства – образцовый зек.

Итак, сходств много, и они вполне системные. Отличие же не просто системное, оно – системообразующее: личный свободный выбор монахов, их индивидуальные духовные искания никак нельзя сопоставить с жестоким принуждением НКВД и единомыслием сталинского идеологического аппарата.

Потому и плоды труда заключенных так отличаются от монашеских: от лагерного хозяйства до наших времен не сохранилось почти ничего (фабрики закрыты, узкоколейную железную дорогу разобрали) – в отличие от каналов, дорог, ботанического сада, Филипповских садков и прочих монастырских сооружений. Монахи своим энтузиазмом одухотворяли и преображали северную природу и сами преображались от этого, а заключенные мучились и ненавидели свою работу.

Утратили свой смысл, извратились до своих противоположностей и другие уложения монашеского устава. Вместо братских общежитийных законов, исключающих деньги, – борьба за лучший кусок селедки и символические слоники, не действующие на материке.

Вместо очищения от греховных плотских помыслов – насильственная половая сегрегация, лишь усиливающая соблазн. Женщин содержали отдельно от мужчин, но на том же острове (в монастырские времена на острове не было не то что женщин, но даже коров). Заключенные искали и находили пути преодоления лагерных запретов.

«Дорогой блондинчик вы хотя мне и незнаком но я к вам в интересе приходите в картонажную – может я согрею вашу красивую наружность любовью писала неизвестная вам девица» – эта любовная записка была передана во время спектакля в зале Соловецкого кремлевского театра.

За такое «общение» обоих ссылали – «Ромео на Секирку, Джульетту на Зайчики».

Особенно наглядно лишение свободы опустошило и обесмыслило творчество, не терпящее насилия и основанное на индивидуальном поиске художественной истины.

Вначале разнообразие мероприятий КВЧ (культурно-воспитательной части) – наличие в лагере библиотек, театров, лекториев, хора и т.д. – меня поразило. («К позору капиталистов многие и многие безработные позавидуют сейчас условиям труда и жизни заключенных в наших северных районах» – из доклада В.М. Молотова на VI съезде 13 марта 1931 года).

Чего там только не было! С 1924 по 1932 год существовало и общество краеведения, и кружок любителей природы, и объединение ХЛАМ (художники, литераторы, артисты, музыканты), издавался журнал «Соловецкие острова»...

Создается впечатление, что у заключенных было всё, что нужно для духовного и физического развития – и культурная программа, и творческие возможности, и спортивные соревнования...

Но недаром говорили, что «много было на бумаге, да не всё попало в желудок».

На самом деле КВЧ была создана, чтобы заниматься сыском и тайным надзором за заключенными. Плюс отчетность, ведь указание о создании театра и проч. поступало от лагерного или даже еще более высокого начальства. Прочитываю отчеты о работе Соловецкого театра: ««В 1924 году бандитом Алексеем Чекмазой, взломщиком Володей Бедрутой и ширмачем-карманником Иваном Паниным был создан сценический коллектив «Свои». Действовавший при нем хор уголовников насчитывал 150 человек... Аппарат налажен и работает без перебоев». О художественной стороне деятельности этого «аппарата» говорится: «Мы считаем, что эстетское болото не для Соловецкого театра, что театр на Соловках должен быть стражей общественности». Стиль этого отчета выразителен: «Ныне театр на крепком базисе и может обслуживать без перебоя огромные культурные нужды Соловецкого концлагеря...»

Итак, отсутствие личного свободного выбора, духовной основы превращало Соловки Зосимы, Германа и Савватия в Соловки Эйхманса и Кедрова, монастырь – в тюрьму, церковь – в антирелигиозный музей, а место служения Богу – в бесчеловечную машину насилия и убийства.

Как не было свободы выбора в лагере, так не было его и по всей стране (свободы для актеров и режиссеров в театре при московском Кремле было столько же, сколько в театре при Кремле соловецком). В этом отношении Соловки были испытательным полигоном, «лакмусовой бумажкой» для определения настроений в обществе и проигрыванием сценариев будущего для всей страны. Удивительно, но такова вообще была историческая роль этого места.

Сначала – для последующих монастырей (которыми был использован опыт ведения хозяйства на Соловках). Потом, когда Соловки превратилось в место сосредоточения оппозиционных сил России, на примере соловецкого восстания 1667-1676 стране было продемонстрировано, как будет душиться свободомыслие. Ведь раскольники просто хотели верить в Бога так, как они считали правильным для себя, – но духовную свободу русское правительство своим подданным не предоставляло. Готовилась почва для порабощения страны: постепенно русские потеряли и гражданские свободы. Осталось подготовить только идеологическую основу...

Соловецкие монахи начала XX века, – бывшие моряки, давшие во время русско-японской войны обет пострижения. Эти моряки увидели в соловецком распорядке социальную несправедливость и совсем не монашескими методами – доносами и разборками – довели дело до того, что сослали архимандрита Ионикия. На Соловках было установлена выборная власть. Эта микрореволюция на Соловках предвосхитила революцию Февральскую.

Кстати, упомянутые выше монахи, естественно, сразу признали советскую власть (потому что их цели совпадали с большевистскими – они тоже хотели устроить правильное общежитие) и стали работать в лагере вольнонаемными.

И наконец Соловки – «школа для всех лагерей XX века», «вершина советской исправительной системы», «родина ГУЛАГа». Не случайно лозунг «Труд приведет вас к освобождению» встречал входящих в ворота не только Освенцима, но и СЛОНа.

Это первый лагерь, где основной массой заключенных были «политические», то есть интеллигенция («не было на архипелаге заключенного, который бы не страшился попасть на лесозаготовки», на которые «полагалось назначать заключенных с «лошадиной категорией трудоспособности», но на самом деле политические заключенные в большинстве своем никогда не занимались тяжелым физическим трудом, никто никогда не пилил леса, не носил тяжести» Б.С. Аракчеев, М.В. Лопаткин «СЛОН. ОГПУ»).

Первый лагерь, где совершались массовые убийства.

Первый лагерь, где стали возможными похлебка из ног павшей лошади «с подковами казенного образца», норма 1 полушубок в год на 5 человек, убийство чаек для утоления голода.

Тут впервые появились те зверства, которые потом стали нормой по всей России.

«Плохо работающий или поругавшийся с десятником заключенный должен раздеться и в одном белье, босой, встать на пень, на виду у конвоира. Конвоир сидит у костра, а заключенный мерзнет, стоя на ветру. Иногда так замерзают совсем...» Г.А. Хомяков

«И ротный РОЭ Воинов, с постоянно висевшей у пояса плёткой, как никто до и после него не издевался над сидящими в карцере, одних – загонял в уборную и заставлял засунуть голову в дыру над ямой, при этом некоторые теряли сознание. Других – отправлял голыми в глиномялку – темный и сырой подвал под южной стороной кремля. Там на дне – полуметровой слой глины, которую они ногами месят для строительных работ», – и происходило это круглый год. «Со страшной славой глиномялки на Соловках конкурирует лишь Овсянка (штрафная лесная командировка), а превосходит ее только слава Секирки» (Н.И. Киселев-Громов «Лагеря смерти в СССР»). (Охрана штрафного изолятора на «Секирке» была сформирована из сосланных на Соловки за должностные преступления чекистов и отличалась особой жестокостью).

Тех, кто не справлялся с нормой на лесоразработках, оставляли на ночь в лесу. Убежать с островов было практически невозможно: для этого и была введена специальная, действующая только на территории островов валюта (слоники), которая поэтому не могла использоваться для взяток охранникам лагеря.

Первый лагерь, где существовал быт, который описывался так:

«После двенадцати часов в лесу зверский голод перебивает усталость, заставляет идти на кухню. После обеда надо еще отстоять поверку... И только часов в девять мы валимся на нары и спим: не замечая ни мокрого, липнущего к телу белья, ни дурманящего смрада от скученных в бараке двухсот человек, ни укусов клопов и вшей» (Г.А. Хомяков). Или так: «В общем, условия работы в смысле норм и распорядка ... мало чем отличаются от условий на материке. Культурно-бытовые условия тоже нормальные для Соловков. Бараки светлые и чистые...» (газеты «Соловецкие острова» 1930 года)

Лишение личной свободы (последовавшее за исчезновением свободы духовной и гражданской) видный большевик Сергей Миронович Киров с удовлетворением описывал так: «У многих людей мы прекратили их физическое существование, на многих мы нагнали такой величайший, подобающий революции страх, что они и сейчас ходят с согбенными головами».

Как соловецкая трагедия предвосхитила судьбу советских граждан в годы террора, так и Киров, погибший от вызванного к жизни им и ему подобными демона, своей смертью предвосхитил судьбу большевизма.

Бернштейн Мириам, 11г

Северное

Зоркость этой эпохи корнями вплетается в те времена, неспособные в общей своей слепоте отличать выпадавших из люлек от выпавших люлек, Белоглазая чудь дальше смерти не хочет взглянуть. Жалко, блюдец полно, только не с кем стола вертануть, чтоб спросить с тебя, Рюрик,

Природа Соловецких островов.

Объяснение для самого себя.

Русский север представлялся мне совсем не таким, каким я его увидел, впрочем, как выяснилось позже, он не представлялся мне ранее никак. Север начался с Белого моря; моря, которое не выглядело как-то иначе, чем любое другое из виденных мною. Оно не выглядело опаснее и холоднее, оно само по себе не было необычным и красивым. Оно было прекрасным именно в сочетании со всем остальным: с небом, с лесами на берегу, с куполами монастыря, оно волшебно вместе с закатом солнца, которое тонуло в нем, не унося с собой света, как тонут в море Соловецкие острова,

цепляясь за
сушу теплохо-
дами, будь то
грязные ко-
рабли с заклю-
ченными или
катерки с ту-
ристами и мо-
ряками с обвет-
ренными лица-
ми и прокурен-
ным голосом.
Здесь особенно
тихо.

Рис. Лаптев Миша 11г

Хотя звук разносится по воде очень далеко, на море слышно только чаек, которые садятся на снасти кораблика и настороженно смотрят с удивлением на людей, которых везут на острова, и это действительно странно и необычно. Мы плыли на острова, о которых боялись говорить, мы плыли на острова, которым развитая цивилизация нашла страшное применение, совсем не то, которое было даровано островам Господом и которое чувствовали монахи, приплывшие сюда на своих деревянных лодочках. Тишина и спокойствие приводят их сюда, они открывают место, куда и сейчас можно сбежать, устав от урбанистической суеты, заполнившей самые отдаленные места континента, в святое место абсолютного спокойствия, тишины и одиночества. Одинок каждый человек, который приезжает на острова, это одиночество появляется само собой и отделяет от остальных, даже если тебе не удастся этого понять. На этих маленьких островочках в огромном море каждый по-своему одинок.

Уход от мира высвобождает инстинкты, заложенные в человеке, здесь нельзя не быть одиноким и в то же время нельзя не чувствовать естественного единения, которое чувствуют животные и которое не может больше ощутить человек в собственной среде, которое почувствовали монахи, добравшиеся до тихих занесенных почти весь год снегом островов. Одиночество трудно выдержать, для этого необходим особый склад характера и ума, люди бегут оттуда, потому что это противоречит сложившейся природе нашего сознания. Наверное, есть люди, которые были бы счастливы здесь оказаться. Здесь Бродский бы наслаждался своей «водичкой», которая соединяет времена, такие противоречивые для этих волшебных мест, годы, которые раскопали и разорвали на части, и от этого лучше не касаться их больше.

Природа этих островов ничем не отличается, кажется, от природы средней полосы, это именно та блеклая бессмысленная зелень, оценить красоту которой может только русский человек. Если отправляться из Москвы ночным поездом, то к утру ты сквозь щель между шторами купе увидишь то, что будет ползти рядом с бегущим вагоном весь оставшийся путь, куда бы ты ни стремился попасть.

Это то, что принято называть «русским пейзажем», хотя, на мой взгляд, это выражение скоро станет означать отсутствие всякой особенности и внешней привлекательности природы, окружающей человека, выбравшегося из города на природу. И еще одна странность, феномен этого места заключается именно в том, что сюда, где три четверти года снега и изолированность от континента, погодные условия аномальны и противопоказаны к существованию человека, полное отсутствие коммуникаций, – сюда хочется возвращаться. Не обязательно возвращаться сюда жить, все-таки пока Соловки не приспособлены к обитанию широкого круга людей, но просто вернуться сюда ненадолго. Ведь это желание посещает не только интересующихся ГУЛАГом или просто любителей особенного отдыха, или даже только русских людей – сюда едут иностранцы, которым хоть и приходится преодолевать не большее расстояние, чем преодолели мы из Москвы, но во многом это расстояние дается гораздо труднее.

Немного.

Мне всегда нравились монастыри. Вопрос веры остается для меня нерешенным, но в таких местах есть что-то особенно удивительное, что-то, что чувствует даже совершенно далекий от религии человек, и меня всегда тянула эта особенность, которая, может быть, и называется святостью. В Соловецком монастыре я этого не почувствовал. Я не могу этого объяснить сам для себя, возможно, это вызвано количеством туристов, а может быть, зло, принесенное в это святое место, уже невозможно вымолить. Монастырь удивительно красив и мощен. Сложная конструкция перекрытий и прочность башен действительно могли служить опорным пунктом на Белом море. Это сложнейшая крепость – не монастырь, такое впечатление производит новгородский Кремль, но не монашеская обитель, которая испокон веков служила местом уединения и успокоения. И, наверное, по-другому быть не может там, где пришедшим рассказывают не о мужестве схимников и не о чудесах моленного места, а о заключенных, которых привозили сюда убивать, где читают не жития святых, а письма, которые не нашли и не найдут адресата.

Это место очень далеко. Оно далеко от континента, далеко от неба и далеко от современных людей. В эту пустоту, которая не может быть скрашена ничем вокруг, кто-то влюбляется, а кто-то боится ее, как боюсь ее я, как боятся пустых маленьких комнат страдающие клаустрофобией. Мы ушли от внешнего мира в эти стены, не став ни на йоту ближе к вере. Это грустно. Не хочется писать об архитектуре, мы ведь ездим не за этим. Ведь мало увидеть, нужно почувствовать, а я конкретно в этом месте, в этой паре квадратных километров, в древних стенах увидел, но не почувствовал. Как будто не было главного, а была оболочка, массивная и гениальная, но такая тяжелая, что ее не вынесло окружающее пространство и сжало до вакуума. Я даже не видел здесь монахов, разные люди входили или покидали это место, как посещают туристы остатки покинутых в средние века поселений.

Скоро это место потеряется совсем, здесь повесят плакаты и таблички с датами советского периода, а постепенно и сам монастырь останется целиком только на планах и фотографиях. Но писать об этом не нам.

Секирная гора. Главное.

Было жарко, душно и солнечно. Мы шли к Секирной горе, чтобы подняться наверх, а потом спуститься обратно к скитам. Это странно звучит, и я думал об этом все время. Секирная гора, как это часто бывает, настоящей горой не была, перед нами как-то неожиданно появился высокий холм с деревянной лестницей наверх. Мы подходили к нему по узенькой лесной тропинке, протоптанной туристами за долгие годы российской действительности. Нельзя, наверное, сказать, что я боялся сделать шаг в сторону, мне просто это было неприятно. Мы постепенно поднимались к горе по кладбищу, которого здесь никогда не было и не будет уже. Страшное можно увидеть в чем угодно, страх ведь появляется не перед физическими объектами, он рождается в подсознании, для этого нужна только обстановка. И такая обстановка была.

Мы в какой-то момент повернули, и из-за деревьев стала видна лестница. Лестница эта, как ни странно, не казалась плодом цивилизации, а могла стать только некоторым помощником. Подсознание очень легко могло убрать эту лестницу. И тогда можно было сразу увидеть 1930 год. Может не хватить пальцев, если начать считать писателей, написавших о последних часах приговоренных к казни. Здесь было, наверное, по-другому. Людей вели на лесные работы. Измученные, они совершали ежедневные механические и бездумные действия, вряд ли они могли даже размышлять и рассуждать. 1930 год был холодным. Люди шли по снегу, почти босиком, в темноте северного соловецкого утра, оставив на каменном полу просыпающихся и непроснувшихся, только что прибывших и умирающих от переохлаждения. Они шли, и им было абсолютно все равно, куда их ведут. Они смотрели себе под ноги, чтобы не упасть от усталости, голода или высоких сугробов. Поднимались все выше и выше. И вдруг они повернули за зарослями каких-то кустарников и увидели в темноте тень холма. Я много думал, что в этот момент приходит в голову. Что страшнее: видеть тела в ямах, припорошенные снегом, или думать о собственной смерти. Страшно ли подниматься на Голгофу или после нескольких лет на Соловецких островах уже нечего бояться, может быть, человек чувствует облегчение, теряет ли человек способность думать или сознание обостряется. Они поднимались на Секирку, кто-то быстро, а кто-то не мог найти в себе сил двигаться, добирались до самого верха, и их сбрасывали. И ужас этого в том, что это естественно. Не нормально, но естественно. Нигде больше это не может быть так естественно и страшно.

Наверху очень спокойно и тихо. Сверху видно море и монастырь вдалеке. Наверху церковь, за которой следит единственный монах. Он сотни лет зажигает маяк наверху колокольни. Он освещает кораблям путь, каждый день поднимаясь по скрипучей лестнице на самый верх пыльной башенки, и это единственное, чем он может помочь людям. Его помощь самая ценная в мире, потому что нужна любому. Он несет свой крест всю жизнь, запираясь в холодной церкви, и равнодушно относится к посетителям, хотя большего одиночества не достается никому.

К нему не приходят люди, чтобы излечиться, и ему не нужны помощники, чтобы восстановить церковь. Я восхищаюсь этим человеком больше, чем я восхищаюсь всеми Соловками в целом. Потому что даже если с ним что-нибудь случится, об этом вряд ли кто-то узнает. Но не загорится маяк. И в этом есть что-то настолько искренне-святое, чего нет во всем огромном монастыре Соловецких островов. И это рождает веру, которой так не хватает иногда.

Мы много говорили о том, что мы обязательно вернемся на Соловки – не вернемся ведь. Мы разбегаемся сами по себе, и

только случайность вернет нас на острова. Но мы для того и пишем эти короткие воспоминания, чтобы об этом не забывать.

Попов Максим, 11г

СОЛОВКИ

рис. Лаптев Миша 11г

Начать с начала или с философии? Пожалуй, философия предполагалась с самого начала, с чужих фотографий, чужих впечатлений, чужих ассоциаций. Предполагалась и некоторая экзотика – русский север, сутки в поезде, пять утра в Кеми. В поезде все было узнаваемо, а, значит, как надо. Необходимый одинокий и мрачный с синими трениками, курицей и яйцами – предмет всеобщего обожания, фруктовое мороженое в Петрозаводске, замороженное до эффектного фиолетового цвета и неизбежность полосатых матрасов. «Пять утра в Кеми» оказалось действительно захватывающим впечатлением. На этом начало закончилось.

Белое море показалось окончанием всего, краем. Даже не земли, а окружающего пространства. Не совершенство, а завершенность. Здесь прежде всего поразителен абсолют цвета. Серая тяжесть моря, облачная легкость неба, сшитые полосой темно-вельветовой зелени на горизонте. Чередование тонов: дымчато-мрачная, низко повисшая туча, затем прозрачная легкость облака, ослепительный, неуловимо-голубой горизонт, гляцевые вздохи моря вдали и, как серая тень, убегаящая из-под корабля волна. Монохромность пейзажа захватывает,

созерцательность кажется разлитой в воздухе. Нет красочных пятен, кричащих южных оттенков, взгляду не за что зацепиться. Природа самодостаточна, пейзаж растет вширь и ввысь, а не концентрируется в яркости какой-то одной детали.

Оторванность от остального мира, отсутствие «внешних раздражителей» – вряд ли это можно назвать гармонией. Стремление уединиться, окружить себя высокой стеной всегда эгоистично. Соловецкое монашество с этой точки зрения наиболее светское. Внутренняя духовность не нуждается в одиночестве. Умение сохранять свое эстетическое, гармоническое, духовное чувство неприкосновенным, не зависящим от внешних обстоятельств доступно далеко не каждому. Монастырь – попытка обеспечить себе герметичную среду, в которой можно взрастить собственную веру, не опасаясь соблазнов. Ведь в подобной консервации души есть что-то противоестественное, чуждое человеческой природе. Мне кажется, люди во многом стремятся к этому, не в силах постичь Бога, веру, смысл, находясь в обществе. Очень сложно почувствовать истину среди людей, у каждого из которых свои мысли, свои идеи, чувства, каждый из которых – личность. Есть в этой жажде абсолютного уединения доля эгоизма. Мне кажется так.

Именно поэтому попытки монастыря запереть острова на замок, дабы жуящий, плюющийся турист кощунственной ногою своей не истоптал собственность монастырскую, каковой и должна являться эта земля, не вызывают сочувствия. Ханжество – выгонять все живое с островов, аргументируя свои действия словом «кощунство». Это замкнутый круг. В Италии дети играют перед Дуомо в футбол. На соборных площадях едят, обсуждают, хоронят, выдают замуж и празднуют. Отсюда – очарование близости, простоты, реальности. Католичество настолько близко людям, которые выросли в нем, что незаменимо как воздух и также как воздух привычно. Оно вошло в культуру и плотно там укоренилось и воспринимается не как вера, область духовная, стоящая как бы вне повседневности, но как неотделимая часть этой повседневности. Православная вера была (или стала) чем-то до того неприкосновенным, сакральным, что совершенно отделилась от реальной жизни.

Называя соловецкое монашество наиболее светским, я имела в виду другой «характер» уединения здесь. Эта завершенность всего вокруг, заключенная в самой природе островов, проявляется во всем. Это как водяной шар во сне Пьера – полная законченность, абсолют пространства. Достаточно взглянуть на монаха, пасущего коров на берегу моря. Он словно олицетворяет собой эту самодостаточность.

Но это нельзя назвать гармонией. Самое яркое доказательство, несомненно, тюрьма. Мне кажется, что однозначных объяснений тому, почему именно здесь возник первый лагерь особого назначения, найти невозможно. Но с философской, некой метафизической точки зрения, тюрьма вписывается в теорию соловецкого абсолюта. Лагерь – высшая точка абсурда, до которой дошла советская власть. Абсурд по Кафке, когда система подавляет личность настолько, что выходит за рамки каких бы то ни было смыслов. Тюрьма уже сама по себе является высшим проявлением власти. Концлагерь, наверное – высшим проявлением абсурда.

На Соловки приезжают, чтобы писать о них книги. Ведь литература во многом нацелена на завершенность, абсолютность – мастерства, идей, истин. Соловки и в физическом, и в метафизическом смысле создают особое пространство, в котором все завершено, а значит, циклично, а значит, абсолютно.

Милоградова Юля, 11г

СОЛОВКИ

*Моя любовь к тебе сейчас - слоненок,
Родившийся в Берлине иль Париже
И топчущий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца.*

Н. Гумилев.

На причале в Кеми было холодно, достаточно холодно, для того, чтобы задуматься о будущем. В будущем будет достаточно жарко, чтобы ни о чем не думать. Вскоре на причале в Кеми появился горячий терпкий чай, и жизнь стала легка и спокойна. Еще через несколько часов на причале в Кеми появился паром, и увез нас на Соловки.

Мы плыли минут двадцать или пару дней, глупо следить

за временем в месте, где ночь отличается от дня только тем, что днем ты идешь куда-то, а ночью никуда не идешь. Каждый день мы куда-то ходили, мы ходили даже в ботанический сад, мы прошли много часов, гораздо больше, чем заслужил приземистый гималайский сморчок. Наверное, жители архипелага не ходят так много, и им нужен был бы другой измеритель времени, но, оказывается, не нужен, потому что на Соловках совсем нет дней, только белые, потом черные ночи, и так вышло, что мы были в белых. Соловки отделены от мира физически, как архипелаг, социально, как тюрьма, и духовно, как монастырь. Природа, религия и общество, казалось, достаточно ясно сообщили о сужении круга летних круизов. Мы были чужеродны на архипелаге, мы были чужеродны даже в

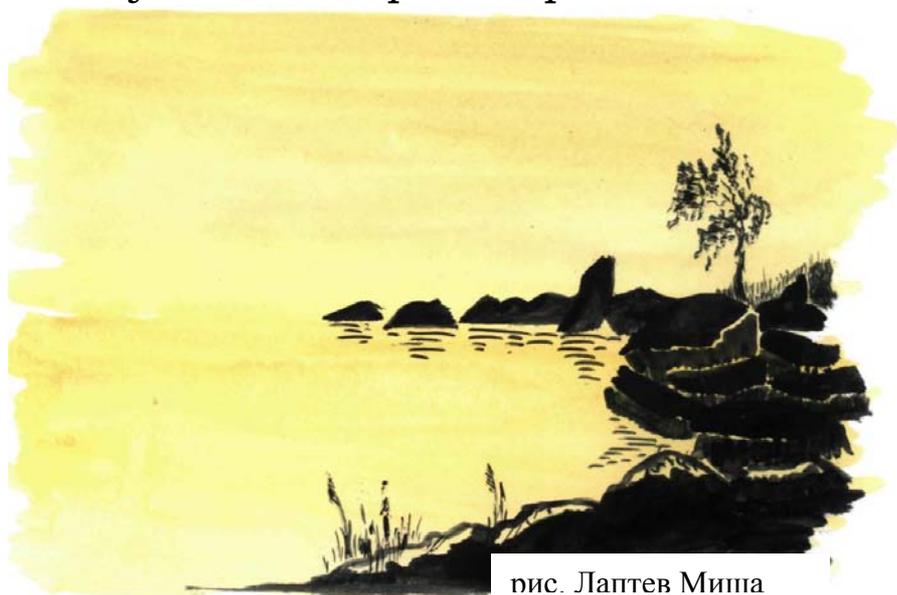

рис. Лаптев Миша

трюме парома, десятки шпрот с чемоданами плывут на экскурсию в лагерь особого назначения по белому, холодному морю. Мы будем жить в центре соловецкого гостеприимства, который одним своим названием превратит нас в несчастных постояльцев богоугодного заведения, обнищавших мещан, бездомных пьяниц. Мы будем есть в школе, в левый верхний угол которой ударило античное откровение архитектора. Мы будем бродить теплыми вечерами футбольных матчей, мы принесем с собой теплые вечера футбольных матчей и будем бродить в них, как юродивые олимпийцы, в поисках счастливых известий из австрийской империи.

Секирная гора – ужасное место. Она как будто вылезла из кошмара одинокого натуралиста – клаустрофоба, своей широтой, мощью, хвоей и другими богатствами советской литературы, она завлекла параноидального ботаника и задушила его в душных лесах. Так вышло, что она задушила и других людей, многих людей. Наша трехвесельная каравелла летела в авангарде трехвесельной армады, преодолевая штиль, мель, зной и бессонницу, по соловецким озерам и каналам к Секирной горе. Когда на Соловках пришло время собирать камни, монахи построили соловецкие каналы, они похожи на попавший под дождь макет Великой китайской стены. Через пару дней мы увидим косу, похожую на разрушенный макет Великой китайской стены, упавший в неглубокий приток Ганга, очень красиво. Когда наш гордый корабль остановился на пару секунд перед входом в очередной канал, а боцман сверялся с компасом, у меня появилась, наконец, возможность осознать происходящее и подумать о перспективах. Еще пара сотен озер к северу, и мы войдем в зону ледников, на западе Карибское море, о котором нельзя было и думать, имея на борту из оружия – мешок яблок, пряники и кроссовки, и то же самое – из еды. К востоку, сквозь ветра и туманы пробивались тусклые отблески шанхайских притоков, к югу – долгие мили российских равнин.

О чем думали наши адмиралы, как завели они нас в те места, где нет ни поездов, ни закусовых, где черт знает как эти земли «заселились глухарями, зайцами, оленями, а лисиц, волков и другого хищного зверя не было тут никогда», что делать нам и куда нам плыть? Ведь не было, не было никогда здесь хищного зверя, не были волки, не сверкали солнечными

шкурками лисиц пустые, необитаемые острова. Когда отчаяние предрассветной росой облепило и сковало всю флотилию, показался неказистый порт, напомнивший разве что старые сингапурские гавани. Мы вышли на берег, чтобы поесть и выслушать тоскливую песнь слепого и замученного старика-натуралиста о том, что лужи на Секирной горе красного цвета из-за красной глины, а вовсе и не потому, что мертвецы выходят из могил, как в маркесовских рассказах.

В шестнадцатом веке техника на Соловках развилась чуть ли не до появления метро. После разваленных человеческих, религиозных, нравственных, любых отношений, после барачных и штабелей монашеские машины не разрушились, они стоят так же, как стены храма или камни в каналах. Казалось, никогда Соловки не позволят стать человеку над собой, никто из тех, чья судьба связана с архипелагом, будь это Филипп Колычев или ротмистр Курилко, не стал его символом, ни один человек не смог повернуть машины вспять, ни один не поднял революцию, каждый просто пытался жить здесь, даже когда жить было невозможно, и бежали с острова, подчиняясь его умиротворенным ритмам, и возвращались с приливом.

Мы были на трех островах из пяти, сравнимых по размеру с Большим Соловецким: на Большом Заяцком, на Малой Муксалме и на Большой Муксалме. Мы были на Секирной горе, у Макарьевой пустыни и у Филипповских садков. Каждый день мы возвращались к тому, с чем приехали, к сумкам и к паштету и к недоумению, каждая экскурсия может быть не связана со следующей ничем, кроме места, только что эта лестница отпускала грехи, а теперь с нее сбрасывают людей, каждый день мы будем ходить там, где было такое, что, держись, веничка, держись, каждый день мы будем там загорать или играть в футбол. Недоволен Солженицын, кикают в волейбол пресловутые туристы, что делать, мы не были слишком недовольны собой, да и не думали об этом особенно. Соловецкий ветер грел нас, что бы мы ни делали, и море было спокойно. И недоумение, приходившее в номере богоугодной гостиницы, было лишь продолжением бездеятельной гармонии. Соловки были легки и теплы с нами, но ведь все было иначе несколько тысяч жизней назад. Когда мы должны были садиться в лодки и уплывать с Секирной горы, жара спала и небо затянулось

облаками; смены погоды, смены настроения, - все было подчинено ритму архипелага.

В любой поездке очень важно межтканевое пространство, обрамляющее каждый день и каждую экскурсию, наш быт, единственное, что нам оставляют целиком на собственное осмысление, и наше личное время, глупо избегать его здесь.

В номере богоугодной гостиницы было две колонны, тумбочки, два стола, семь кроватей и мы, чужой Капоте, чужой Зоценко, холодильник, душ, телевизор, еще душ и еще холодильник, в богоугодной гостинице было уютно и спокойно. На острове есть три сопряженных магазина, качели, школа, футбольное поле, гостиница со злым и шепелявым охранником и гостиница без охранника, в ней мы смотрели футбол. В этих декорациях мы прожили пять дней и четыре ночи, разыграв пару десятков бесконечных постмодернистских пьес. Катерина бросается в Белое море, Кабанов открывает паштет, Розенкранц и Гильденстерн мертвы, погода портится.

Там, где кончаются рельсы, где сияют блочные коробки северных хибар, в городе Кеми, где так общительны пьяницы и жестоки туристы, где холоден и светел воздух верфи, ждали мы парома на Соловки. Чтобы попасть в город Кемь, нужно ехать в поезде, время в нем идет быстро, поезд идет медленно, нужно ходить по вагону и все время есть, тогда поезду станет щекотно и голодно, он пойдет быстрее и машинист догонит свои часы. Скоро Петербург. В трюме оживление, видны купола, мы плывем медленно-медленно, но забудьте и думать о том, чтобы щекотать паром, Белое море – холодное море, и мы плывем в очень странное место. В трюме оживление, видны купола, а наш кок – страшный человек, что будет, что же будет. Мы так неторопливы и так безвольны, и время почти не идет, только эти пять дней прошли слишком легко, и в них было слишком много. Еще три минуты, а Ибрагимович бегаёт быстро, быстро-быстро, еще быстрее чем мы гребли, еще быстрее, чем эти дни, но он не успеет. Скоро Петербург.

Ячменев Владимир, 11г